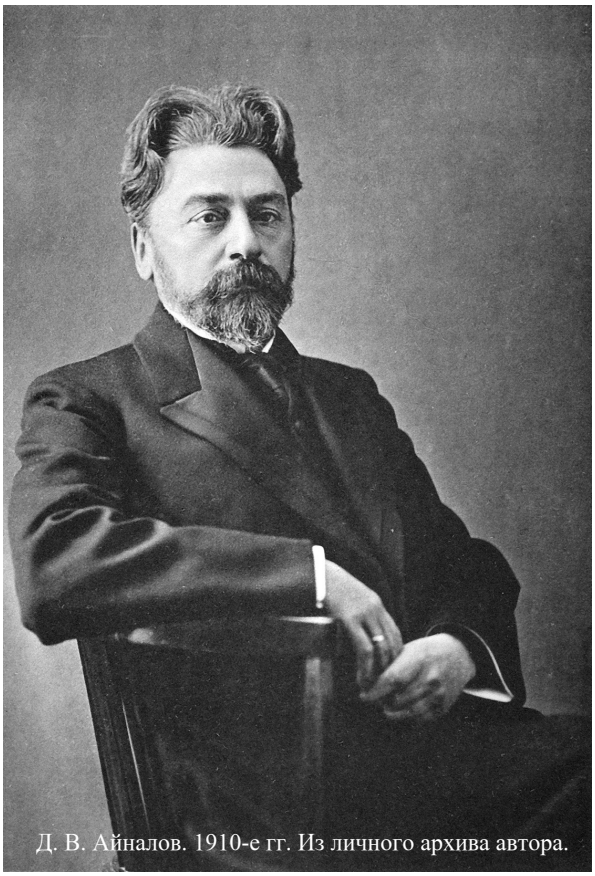
О «немецкой колонизации» русской науки: размышления над письмами Д. В. Айналова

Д. В. Айналов. 1910-е гг. Из личного архива автора.

Написанные более ста лет назад письма Д. В. Айналова удивительным образом оказались созвучны современным дискуссиям о базовых ценностях русской культуры, о понимании патриотизма, о путях сохранения культурной идентичности. В контексте этой проблематики тема немцев в России или «русских немцев» в последнее время все больше привлекает внимание историков[1]. В течение долгого времени на нее было наложено табу, теперь о немецком компоненте российской культуры стали говорить все чаще и без оговорок.

В казанской части эпистолярного наследия одного из крупнейших российских византинистов XX в. Дмитрия Власьевича Айналова (письма из Петербурга 1903-1912 гг.) нашла отражение малоизвестная сторона мировоззрения этого ученого*. Оказывается, Айналова крайне тяготило и раздражало доминирующее положение ученых немецкого происхождения в российской гуманитарной науке, в системе высшего образования. Словно больной нерв, эта мысль пульсирует во всех его

* В контексте данной проблемы интерес представляют пять писем Д. Айналова Д. Корсакову (1903-1904 гг.), хранящихся в рукописном отделе Национального музея Республики Татарстан (см.: Национальный музей РТ, рукописный отдел, архив Д. А. Корсакова, д. 12366-3276, 123666-3278, 123666-3277, 123666-3282, 123666-375, 123666-3272).

письмах к профессору кафедры отечественной истории Казанского университета Дмитрию Александровичу Корсакову*. С установившейся традицией «онемечивания русской науки» Айналов был категорически не согласен и занимал открытую русофильскую позицию.

В этих письмах поражает то, насколько свободно автор излагал свою идею неприятия немцев, откровенность его суждений. Айналов не пытался как-либо завуалировать свои взгляды, используя элементы эзоповского языка. По-видимому, такая решительность и прямота высказываний Айналова подкреплялась его уверенностью в поддержке коллег и друзей. Анализ текста писем позволяет предположить, что его озабоченность засильем немцев в российской науке разделяли многие отечественные историки и искусствоведы: И. В. Цветаев**, Д. А. Корсаков, С. Ф. Платонов*** и др.

Этот компонент мировоззрения русских историков остается малоисследованным сюжетом в современной историографии. А между тем антинемецкие настроения во многом определяли тематику и направление развития российского византиноведения, славистики, оказали влияние на понимание русской истории в целом.

Чтобы разобраться в том, что подготовило почву для формирования русофильских взглядов в среде отечественной научной интеллигенции, следует напомнить некоторые моменты становления системы российского образования и науки. Как известно, первая волна немцев прибыла в страну по призыву Екатерины II. Многие из них стали настоящими патриотами России. Но интеграция немцев в русском интеллектуальном пространстве происходила медленно и неравномерно.

В среде обрусевших немцев, особенно той части, которая была связана с ремеслом и торговлей, на протяжении нескольких поколений сохранялось высокомерное отношение ко всему русскому. С другой стороны, недоверчиво и подозрительно встретили «немчиков» и представители разных слоев русского общества. Такое отношение нашло отражение в художественной литературе, например, в образе Германа в «Пиковой даме» А. С. Пушкина. Русский поэт написал этого героя с презрением, таково было его отношение к «немецкому племени» петербургских ремесленников, «хозяйчиков», офицеров. Он даже имени герою не дал, только фамилию — Герман[2].

Следует заметить, что немцы-ученые сыграли огромную роль в становлении академических центров российской науки, особенно системы университетского образования в XIX в. Университеты России на протяжении целого столетия продолжали копировать модель старых немецких университетов. Российское правительство способствовало привлечению немецких профессоров**** в науку и образование. В российских университетах первой половины XIX в. на немецком языке велось преподавание классической филологии, археологии, античной истории, медиевистики и истории искусства. До определенного времени с таким положением вещей представители русской научной интеллигенции вынуждены были мириться.

Однако во второй половине XIX в. ситуация меняется. Эти изменения были обусловлены двумя взаимосвязанными процессами. Первый — рост российского национального самосознания, совершенно естественное усиление национально-патриотических настроений в процессе самоидентификации любого этноса образования. К этому времени русские ученые почувствовали, что больше не нуждаются в опеке. Их исследования получили признание научной общественности, даже в такой традиционно немецкой науке, как искусствознание. Настал момент, когда русские ученые перестали нуждаться в немецких наставниках. А немцы продолжали работать в России, «внедряться» в русскую науку и занимали там нередко ведущие позиции, пользуясь круговой порукой соплеменников. Такая ситуация

* Корсаков Дмитрий Александрович (1849-1919), декан исторического факультета Императорского Казанского университета (1900-1905 гг.), член-корреспондент Императорской академии наук (1905 г.). Преподавал в Казанском университете до 1914 г.

** Цветаев Иван Владимирович (1847-1913), филолог-классик, искусствовед. С 1877 г. преподавал в Московском университете. Основатель Музея изящных искусств в Москве.

*** Платонов Сергей Федорович (1860-1933), русский историк, академик АН СССР (1920-1931 гг.), член-корреспондент (1908 г.), профессор Петербургского университета (1889 г.).

**** Многие из современных исследователей истории высшего университетского образования в России приток немцев из Гетингенгского и Гейдельбергского университетов рассматривают как положительный момент.

вызывала негативное отношение со стороны российских ученых.

Протест вызывала сама концепция всемирной истории, распространяемая немецкими специалистами по искусству в российских университетах. В трудах немецких искусствоведов превозносились художественные достижения романо-германских народов и принижалось искусство Византии и славянских стран. Русские ученые стремились объединиться и препятствовать успешной ученой карьере немцев на российской земле, одновременно поощряя «ростки научного таланта» начинающих отечественных исследователей.

Русские ученые не разделяли немцев («остетов», как они их называли) на специально прибывающих из-за границы, чтобы получить в России «тепленькие» места на университетских кафедрах, и тех, кто жил в России не в первом поколении. Последние считали эту страну своей родиной, и некоторые из них были российскими патриотами не меньше русских. Однако в среде русских ученых нетерпимость распространялась на всех, кто имел немецкие фамилии.

Обсуждение проблемы немцев происходило в тот период жизни Д. В. Айналова (1903-1912 гг.), когда он покинул Казань и обосновался в Петербурге. Д. Айналов проработал в Казанском университете почти 13 лет, написал две диссертации — кандидатскую и магистерскую и оставил основанную им кафедру истории и теории искусства, а также богатейший музей древностей и изящных искусств с библиотекой. Он получил научное признание в кругу российской и мировой византинистики и искусствознания. Его авторитет в научном мире был очень высок.

Но, покинув Казань, Айналов был озабочен судьбой кафедры истории искусства. Некоторое время место заведующего оставалось вакантным, достойного специалиста никак не могли подобрать. В письмах он высказывал свою обеспокоенность будущим казанской кафедры и принял активное участие в подборе достойного кандидата. «Глубокоуважаемый Дмитрий Александрович! Если бы Вы знали… как мне хотелось бы посадить на казанскую кафедру по искусству хорошего и знающего человека», — писал Д. Айналов 22 октября 1903 г.[3]

Из содержания писем можно понять принцип подбора кадров того времени, уяснить, какую роль играли всякого рода рекомендации признанных авторитетов. Письма Айналова — пример того, как тщательно подбиралась и обсуждалась каждая кандидатура на должность заведующего кафедрой. Айналова беспокоила не только судьба кафедры, но, главным образом, судьба учебного музея, поскольку предполагалось, что заведующий кафедрой будет совмещать обязанности директора учебного музея. Айналов представлял значимость такого учебного и просветительского центра в российской провинции и как никто другой понимал, что место директора должен занимать человек не только чрезвычайно преданный науке, но и честный, лишенный корысти.

Письма приоткрывают неизвестную страницу в истории кафедры — сюжет о том, как происходила смена руководства. Раньше нам было известно только то, что в 1906 г. после небольшого перерыва заведующим кафедрой стал мало кому в ту пору известный А. М. Миронов. Оказалось, что Миронов был не единственным кандидатом. Среди претендентов на вакантное место было много немцев, о которых Айналов в письмах отзывается очень нелестно[4].

Вплетенные в контекст «немецкого вопроса», письма Айналова позволяют иначе осмыслить судьбы многих российских искусствоведов. В свете этой информации совершенно по-новому можно объяснить, почему так трудно складывалась научная карьера Ф. И. Шмита (1877-1937) и так трагически закончилась его жизнь. Почему так часто переезжал питомец Казанского университета немец В. К. Мальмберг* в поисках города, где терпимее относились бы к представителям его племени, пока не оказался в эстонском Дерпте (Тарту). По-другому понимаешь, почему поначалу не заладилась научная карьера О. Ф. Вальдгауэра и была провалена защита его первой кандидатской диссертации. Заметим, что О. Ф. Вальдгауэр впоследствии стал крупнейшим советским специалистом в области античного искусства. Русские ученые «заручались круговой порукой» и не всег-

* Мальмберг Владимир Константинович (1860-1921), историк античного искусства. Окончил Казанский университет, ученик Д. Ф. Беляева. После защиты магистерской диссертации в 1890 г. был переведен в Дерптский университет. После смерти И. В. Цветаева — директор Музея изящных искусств в Москве.

да были объективны к молодым искусствоведам «из немцев».

Итак, кого Айналов рекомендовал на вакантное место? Искусствоведов К. Д. Чигарова* и В. Е. Гиацинтова**, Н. И. Романова*** и даже Ф. И. Шмита****. Претензии Гиацинтова и Романова на должность заведующего кафедрой Айналов считал необоснованными: «Ни Гиацинтов, ни Романов еще не трудились как следует, а требуют непременно столичной кафедры»[5]. О Шмите он судил более благосклонно: «Немец из Археологического института в Константинополе Шмит, которого, говорят, можно было бы взять»[6]. Как жаль, что это назначение не состоялось. Сам Федор Иванович, насколько нам известно, никогда в Казань не собирался: он мечтал о Петербурге — своем родном городе, о Москве. Его преподавательская карьера началась в Харькове, академиком он стал в Киеве, а директором Российского государственного института истории искусств в Петрограде (1925-1931 гг.).

С едкой иронией Айналов пишет о другом претенденте — немце по фамилии Коль (или Каль), видимо, музыковеде. «С. Ф. Платонов говорил Вам о Коле. Я узнал о нем кое-что. Он действительно музыкант. Был уже с командировкой за границей и из отчета писал, что в Лондон ездил для проверки своих эстетических впечатлений, а о занятиях в музеях ни слова. Написал о музыке у греков по Аристотелю, это его немецкая докторская диссертация, русских статей и работ у него нет. Говорит, что хочет открыть в университете курс истории музыки, и играет при этом на рояле»[7]. Вместе с «немцем» досталось и Д. И. Нагуевскому, временно замещавшему Айналова в должности директора музея: «Если взять его (Коля. – *Л. С.*) в Казань, то на каких же инструментах он будет играть в музее искусств. Разве с Дарием Ильичем (Нагуевским. — *Л. С.*) в четыре руки при содействии китайских инструментов. Вообще, мне кажется, он не подходит для Казанского университета, т[ак] к[ак], по-видимому, он “остзет” и таких теперь много, хоть пруд пруди. Как было бы хорошо, если бы Вы взяли музей под свое крыло, как бывало прежде*****. Дарий вреден для музея»[8]. Последняя фраза звучит как приговор Д. И. Нагуевскому, поляку по происхождению, которого Айналов недолюбливал по каким-то другим соображениям.

По просьбе Айналова в дело подбора кандидатуры заведующего для казанской кафедры включился и И. В. Цветаев. «Тогда Цветаев обратился еще к одному русскому немцу, который должен в скором времени сдать в Москве магистерский экзамен. С работой подать в Казань на 1 200 рублей, если ему пообещают дать исправную должность экстраординарного профессора после защиты магистерской диссертации. Фамилии этого немца Цветаев не сообщает, но говорит, что у него есть родня в Казани (?)».

И далее в этом же письме самая большая «боль» Айналова: «Какой ужас! В России на русские деньги приходится обставляться немцами»[9]. Озабоченность Айналова проходит через все письма: «У меня 3 немца, экзаменуются. Один из Берлина приехал. Эти немцы действуют очень связно... В Петербургском университете замечено, что профессора все состоят из немцев и ни одного русского»[10].

Через год Айналов вновь обсуждает кандидатуру А. Ф. Коля. «Приходил

* Чигаров Константин Дмитриевич, преподаватель Петербургской академии художеств и Школы Штиглица.

** Гиацинтов Владимир Егорович (1858-1932), искусствовед, писатель. В 1885-1900-е гг. преподавал историю искусств в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. После революции (до 1929 г.) занимал руководящие должности в Музее изящных искусств (см. о нем: Русские писатели 1800-1917. Биобиблиографический словарь. – М., 1989. – Ч. 1. – С. 557-558; Гиацинтова С. С памятью наедине. – М., 1985. – 542 с.).

*** Романов Николай Иванович, искусствовед, специалист по итальянскому Возрождению. В 1910-1923 гг. — хранитель отделения изящных искусств Румянцевского музея в Москве. С 1907 г. преподавал на кафедре истории искусств Московского университета, где продолжил работать и после революции. Оставил целую плеяду талантливых учеников: Б. Р. Виппер, А. Г. Габричевский, А. И. Некрасов, Д. С. Недович, А. А. Сидоров (см.: Гращенков В. Н. К 125-летию преподавания истории искусств в Московском университете // Советское искусствознание. – М., 1984. – Вып. 1 (18). – С. 142-186). В современной литературе оценки его роли в реформировании художественных музеев в Москве весьма неоднозначны. По инициативе Н. И. Романова происходило преобразование музея, основанного И. В. Цветаевым (ныне ГИИИ им. А. С. Пушкина) (см.: Фролов А. И. Основатели российских музеев. – М., 1991. – 80 с.).

**** Шмит Федор Иванович (1877-1937), историк и теоретик искусства. Директор Государственного института истории искусств в Ленинграде. Начинал как византинист под руководством академика Ф. И. Успенского. Создал теорию эволюционно-циклического развития искусства. В 1933 г. был арестован, в 1937 г. арестован повторно. Реабилитирован посмертно в 1956 г.

***** Д. Айналов имеет в виду тот период деятельности Д. А. Корсакова, когда он с 1871 по 1884 г. работал хранителем Объединенного музея этнографии, древностей и изящных искусств в Казанском университете. Д. Корсаков хорошо знал суть проблемы, поэтому Айналов так подробно обсуждал ее в своих письмах.

ко мне Алексей Федорович Коль, желая поговорить о Казани, о кафедре и о том, не страшно ли ехать в провинцию. Спрашивал, есть ли в университете аппараты по искусству (т. е. библиотека и музей. — *Л. С.*), и тут же заявил, что слышал много о казанской библиотеке по искусству. Платонов дал ему три дня на размышление — ехать или не ехать в Казань. Но если он согласится, то не стоит его брать: болтун и музыкант. Из его разговора я понял, что он любит музыку, что в Казани будет искать студентов, чтобы читать им музыку (о музыке. — *Л. С.*). Ему хочется занимать кафедру, но в то же время не хочется заниматься специальностями, будущая диссертация его касается "эстетики музыки у древних греков". Очевидно, будет Вам писать»[11].

Неблагоприятно Айналов отзывался и о другом немце — О. Ф. Вальдгауэре*: «Немец по фамилии Вальдгауэр. Он уроженец Остзейского края, окончил гимназию в Орле (8 классов). Имеет 20 лет от роду и докторскую немецкую степень, с которой хочет в России пробить себе дорогу. Знание русского языка у него как у гимназиста 4 класса. Нахальства же и карьеризма сколько угодно. Он записался в студенты Петербургского университета, чтобы избежать воинской повинности, и хочет докторства достигнуть в Казанском университете. Это прелюбопытно! Смотри, как бы Дарий (Нагуевский. — *Л. С.*) его не пропустил, очевидно, одного поля ягода!»[12].

Немцы, конечно, были разные, не все были российскими патриотами как Ф. И. Шмит. Некоторые, по-видимому, действительно негативно относились ко всему русскому, и это вызывало ответное раздражение. Советский антиковед С. А. Жебелев крайне негативно относился к «немецкой партии», властвовавшей в Эрмитаже (в 1920-1930 гг.), и сетовал, что в «послеоктябрьское десятилетие у некоторых… слишком много ученого эгоизма». Он, конечно, должен быть, но в меру, во всяком случае, не таким злостным[13]. «Немецкую партию» в Эрмитаже представлял отдел древностей, где в 1920-х гг. работали О. Ф. Вальдгауэр, В. В. Струве, Н. Д. Флитнер, О. О. Крюгер, М. Э. Матье-Ольдерогге, Г. И. Бровка и др. По воспоминаниям Б. Б. Пиотровского**, разговорным языком в этом отделе был немецкий. Оппозицию иностранцам в Эрмитаже составляли М. И. Максимова и И. А. Орбели, которого в отделении древностей все представляли «диким и необузданным»[14].

Интрига же с назначением заведующего кафедрой истории искусств в конце концов разрешилась. Кафедру возглавил А. М. Миронов, столь ненавистный Айналову***, и он неплохо, в меру своей одаренности и эрудиции, исполнял эту должность.

Возвращаясь к письмам Д. В. Айналова, следует заметить, что они, кроме событийной стороны, имеют множество подтекстов. Письма позволяют понять, что формировало научное мировоззрение их автора, что определило тематику его исследований.

Айналов достаточно рано выбрал свою проблему — искусство Византии, а затем Древней Руси. Он предпочел это направление традиционным сюжетам искусствоведческих исследований — античности и классическому искусству Запада. Но для того чтобы сделать столь сознательный выбор, а затем совершить «переворот в науке, переворот, который взорвал всемирно-историческую концепцию с ее мифологическим романо-германским духом и положил начало реальной всеобщей истории искусств»[15], необходим был глубокий внутренний мотив. Имманентным импульсом могло быть ущемленное чувство национального достоинства, ко-

* Вальдгауэр Оскар Фердинандович (1883-1939). В 1903 г. окончил Мюнхенский университет со степенью доктора философии, представив диссертацию о портретах А. Македонского. В России работал в Эрмитаже (1904-1913 гг.), с 1912 г. читал лекции в Российском институте истории искусств. Защита магистерской диссертации была провалена в Петербургском университете.

** Пиотровский Борис Борисович, директор Государственного Эрмитажа. Отец нынешнего директора Михаила Борисовича Пиотровского.

*** Д. В. Айналов резко и нелицеприятно характеризует своего земляка искусствоведа А. М. Миронова. Из текста писем видно, что Айналову были известны какие-то скандальные подробности о защите Мироновым магистерской диссертации. Шлейф слухов, по-видимому, тянулся за ним всю жизнь. Айналов выносит свой вердикт кандидатуре Миронова, который «хотя и написал две диссертации, но скандально защитил магистерскую диссертацию, никак не может получить должности, пока никто не принимает его работы и я принять не могу. Миронов обращается ко мне по своему обычаю с целью разведки: письменно, желая узнать мое мнение о его книге, но я уклонился от прямого ответа, т[ак] к[ак] действует скрытно… О трудах Миронова я могу дать только отрицательный отзыв. Быть может, если он узнает об этом, то снимет свою кандидатуру сам, как было бы избежать психики и скандала во время петербургского конкурса».

торое он испытывал, знакомясь с трудами признанных в ту пору классиков искусствознания и эстетики — немецких ученых Шнаазе, Куглера, Любке, Куна. В их концепциях доказывалось превосходство античного и романо-германского мира, а византийское искусство рассматривалось как «сухая ветвь мирового искусства», нечто «застывшее и оцепенелое». На обочине магистральной дороги развития искусства оказалось русское искусство, как нечто примитивное и варварское.

С этими оценками Айналов не мог согласиться. Лейтмотивом его исследований было желание утвердить русское искусство как равноправное с искусством западных народов. Пересматривая сначала римский центризм древнехристианского искусства, а затем и западноевропейский центризм эпохи Возрождения, Айналов сумел доказать: русская история искусства — не провинция искусства, а одна из важных ступеней всеобщей истории искусств.

Согласно концепции Айналова русское христианское искусство синтезировало народные мотивы творчества и лучшие традиции искусства Византии, опирающиеся на эллинистическую классику. Патриотическое чувство Айналова было выдержано в традициях классического славянофильства, в котором «не было противопоставления русского общеевропейскому, не было реакционности, а тем более изоляционизма. Речь шла только о том, чтобы уравнять в правах русскую народность с английской, французской»*. Но его широкая научная концепция самым парадоксальным образом сочеталась с узко националистическими взглядами, сохранявшими устойчивое предубеждение против всего немецкого на уровне обыденного сознания. Об этом свидетельствует содержание анализируемых посланий, которые были написаны после того как Д. В. Айналов защитил магистерскую и докторскую диссертации. Теоретическая победа над «романо-германским духом» и международное признание концепции ученого не удовлетворили его окончательно, не успокоили его «сердечной боли», вызванной представлениями о продолжающейся колонизации немцами русской науки.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Герман А. А., Илларионова Т. С., Плеве И. Р. История немцев России. – М., 2005. – 542 с.
2. Интервью с кинорежиссером И. Масленниковым «То, что происходит на ТВ, описано в пьесах Островского» // Литературная газета. – 2006. – № 4. – 1-7 февраля. – С. 10.
3. Д. Айналов Д. Корсакову, 22 октября 1903 г. // Национальный музей Республики Татарстан (НМ РТ), рукописный отдел, архив Д. А. Корсакова, д. 12366-3276, л. 1.
4. Д. Айналов Д. Корсакову, 11 декабря 1904 г. // НМ РТ, рукописный отдел, архив Д. А. Корсакова, д. 12366-3275.
5. Д. Айналов Д. Корсакову, 4 ноября 1903 г. // НМ РТ, рукописный отдел, архив Д. А. Корсакова, д. 12366-3278, л. 2.
6. Там же, л. 1.
7. Д. Айналов Д. Корсакову, 22 октября 1903 г. // НМ РТ, рукописный отдел, архив Д. А. Корсакова, д. 12366-3276, л. 1.
8. Д. Айналов Д. Корсакову, 22 октября 1903 г. // НМ РТ, рукописный отдел, архив Д. А. Корсакова, д. 12366-3276, л. 2.
9. Д. Айналов Д. Корсакову, 4 ноября 1903 г. // НМ РТ, рукописный отдел, архив Д. А. Корсакова, д. 12366-3278, л. 2.
10. Д. Айналов Д. Корсакову, 4 ноября 1903 г. // НМ РТ, рукописный отдел, архив Д. А. Корсакова, д. 12366-3278, л. 2; Д. Айналов Д. Корсакову, 11 декабря 1904 г. // НМ РТ, рукописный отдел, архив Д. А. Корсакова, д. 12366-3275, л. 4.
11. Д. Айналов Д. Корсакову, 10 ноября 1903 г. // НМ РТ, рукописный отдел, архив Д. А. Корсакова, д. 12366-3277, л. 2.
12. Д. Айналов Д. Корсакову, 24 марта 1904 г. // НМ РТ, рукописный отдел, архив Д. А. Корсакова, д. 12366-3282, л. 2.
13. Мир русской византинистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. – СПб., 2004. – С. 724.
14. Пиотровский Б. Б. Страницы моей жизни. – СПб., 1995. – С. 35, 53-56.
15. Иоффе И. И. Проблема всеобщей истории искусств в Петербургском университете // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. – Л., 1946. – Вып. 15. – № 95. – С. 248.

Лидия Сыченкова,
доктор исторических наук

* Речь митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла в РГГУ (июнь 2006 г.), изложенная в статье А. Ципко «Заморозки на почве. Как закончить перманентную идеологическую вражду?» (Литературная газета. – 2006. – № 30-31. – 26 июля – 1 августа. – С. 3).